

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 130–136. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 130–136. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-130-136>

А.П. ПЛАТОНОВ И ДИСКУССИЯ О СКАЗКЕ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х ГОДОВ

Костылев Алексей Олегович, Институт мировой литературы им. А.М. Горького, alekseykostylevv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена дискуссии вокруг сказки, которая нашла место в журнале «На путях к новой школе», газете «Читатель и писатель», ее основным положениям. В 1920-х гг. педагоги и детские писатели во главе с Н.К. Крупской подвергали пересмотру старую детскую литературу и занимались теорией новой советской книги для ребенка, публикуя статьи и обзоры. Прослежена связь между работой в детской литературе и идеологией, антирелигиозной пропагандой. Обращено внимание на обсуждение категории фантастического в сказке среди авторов периодических изданий «На путях к новой школе», «Читателя и писателя». Приведены примеры новой литературы для детей, ее отличия и сходства с прежней. О дискуссии вокруг жанра сказки мог знать А.П. Платонов в 1926–1927 гг., после переезда в Москву, на что указывают эпистолярный, факты биографии и художественные произведения, в частности повесть «Эфирный тракт», стихотворение «Про электричество». Рассматриваются эпизоды из романа «Чевенгур» в контексте этой дискуссии.

Ключевые слова: история литературы, А.П. Платонов, платоноведение, детское чтение, детская литература, периодика, сказка, категория фантастического, литература 1920-х гг., педагогика

Для цитирования: Костылев А.О. А.П. Платонов и дискуссия о сказке в детской литературе 1920-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 130–136. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-130-136>

Research Article

ANDREI PLATONOV AND THE DISCUSSION OF THE FAIRY TALE IN CHILDREN'S LITERATURE OF THE 1920S

Aleksey O. Kostylev, A.M. Gorky Institute of World Literature, alekseykostylevv@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the discussion around the fairy tale, which found a place in the magazine «On the Way to a New School», the newspaper «Reader & Writer», its main provisions. In the 1920s pedagogues and children's writers headed by Nadezhda Krupskaya revised old children's literature and studied the theory of a new Soviet book for children, publishing articles and reviews. The connection between work in children's literature and ideology, anti-religious propaganda is traced. Attention is drawn to the discussion of the category of the fantastic in a fairy tale among the authors of «On the Way to a New School», «Reader & Writer». Examples of new literature for children, its differences and similarities with the previous one are given. Andrei Platonov could also have known about the discussion around the genre of a fairy tale in 1926–1927 after moving to Moscow, as indicated by the epistolary, biographical facts and works of art, in particular the story «The Ethereal Path», the poem «About Electricity». The episodes from the novel «Chevengur» are considered in the context of this discussion.

Keywords: history of literature, Andrei Platonov, children's reading, children's literature, periodicals, fairy tales, category of fantastic, literature of 1920s, pedagogy

For citation: Kostylev A.O. Andrei Platonov and the discussion of the fairy tale in children's literature of the 1920s. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 130–136 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-130-136>

Споры 1920-х гг. вокруг сказки важны для изучения творчества Платонова и его пути к детской литературе. Детям посвящены одни из ранних произведений писателя – «Сережка»¹, рассказ «Странники»²; Платонов писал статьи о новой школе, жизни детей³, детском театре [Антонова: 649–650].

К поэтике сказки Платонов обратился в ранний период творчества. К этому жанру можно отнести произведение «Ерик» 1921 г., в котором отражается обрушение старой культуры и ставится цель – строить «новый мир». В отзыве на сборник прозы, отправленный Платоновым в Госиздат в 1921 г., «Ерику» была дана такая характеристика: «Сказка написана живо. Язык и стиль хороши»⁴.

На страницах записной книжки за 1921 г. Платонов делает набросок аллегорической сказки «Вера, Знание и Сомнение». В сказке Платонов вновь отражает, как рушатся вековые устои; красноречиво описано движение в духовной жизни страны – вместо веры в Бога людям после революции давалось лишь сухое знание. Действительно, одна из главных задач государства заключалась в том, чтобы просветить массы. Так, в журнале «На путях к новой школе» в статье Н.К. Крупской было сказано: «...Советская власть – единственная власть, которая поможет народным массам подняться к светлой жизни, положить конец всякой эксплуатации и нищете; мы знаем, что путь этот не легок, что массы еще недостаточно вооружены *знанием*, чтобы стать настоящими хозяевами жизни»⁵ (курсив наш. – А. К.; орфография оригинала сохранена).

Дискуссия 1920-х гг. о сказке была, по всей видимости, известна Платонову. В 1926 г. он переезжает из Воронежа в Москву на работу в ЦК Всеработземлес. Вместе с Платоновым в Москву перебралась его семья – жена Мария Александровна и сын Платон, которому в 1926 г. было уже почти четыре года. Так как в семье рос маленький ребенок, естественно, что супруги Платоновы интересовались тем, какие издаются детские журналы, что выходит из детских книг. В письме от 8 декабря 1926 г., отправленном вторым по приезде в Тамбов, куда Платонов уехал работать, говорится: «Обними моего мужичка и купи ему сказку»⁶. Судя по всему, сыну Платонова уже читали небольшие произведения для детей, и примечательно, что писатель упомянул о сказке сразу после отъезда из столицы.

Сохранились сведения, что уже по возвращении из Тамбова, в московский период жизни, Платонов общался с писателями, перу которых принадлежали детские произведения. Ими были А.В. Кожевников и Ф. Каманин – авторы, не могущие не знать о тенденциях в детской литературе. В 1981 г. журнал «Новый мир» опубликовал главы из книги Каманина «Литературные встречи», и автор в них описывал

первое знакомство с Платоновым в доме Кожевникова в 1927 г.⁷ Сам Каманин в начале 1927 г. опубликовался в 1-м номере «Дружных ребят» с рассказом «Писаки»⁸, а в № 21 этого журнала было анонсировано издание рассказа А.В. Кожевникова «Лопаренок Олеса».

Соприкосновение Платонова со средой, в которой были детские писатели, могло отразиться на его дальнейшем творческом пути – в его обращении к детской литературе в 1930-х гг. Дружбу с Кожевниковым он продолжал в дальнейшем, в частности Платонов пытался опубликоваться в 1936 г. в журнале «Колхозные ребята», редактором которого был этот автор.

После Октябрьской революции 1917 г. воспитание детей было особой задачей. Им стремились привить новую культуру и мировоззрение с самых ранних лет. Дискуссия о сказке в детском чтении стала одним из ярких отражений того, как шел процесс разрыва с традицией. И.Н. Арзамасцева в своей монографии «Век ребенка» делится воспоминаниями И.И. Халтурина, утверждавшего, что старой детской литературе нечего было сказать новому читателю. Подмена читателя стала одним из важнейших факторов в литературном процессе: «В дискуссиях 20-х гг. о сказках, вымысле, “веселой” книжке вопрос о новом читателе был ключевым» [Арзамасцева: 85].

Одной из причин нападков на сказку в детском чтении была антирелигиозная пропаганда. В советском государстве правильным считался материалистический взгляд на мир – это было отражено Платоновым в «Вере, Знании и Сомнении». Крупская писала: «Советской власти нет надобности дурачить широкие массы, она хочет их духовного освобождения... вопрос об антирелигиозной пропаганде для нее – вопрос ударный, неотложный. <...> ...Явственно слышны аккорды настраиваемых на *мистицизм струн*»⁹ (курсив наш. – А. К.).

Волшебную сказку критиковали за то, что она может заронять зерна мистицизма, исказить представление детей о реальности. Другой идеологической составляющей дискуссии было то, что сказка показывает модели буржуазных отношений – недопустимым оказывалось изображение благополучия побежденных классов, монархической формы правления. В статье 1926 г. «Об учебнике и детской книге I ступени» Крупская, осуждая народную волшебную сказку, выносила такое замечание: «...народные сказки обыкновенно отражают прошлое, сейчас жизнь во многом переменялась, а сказка уже отражает не теперешнее время, а прошлое время. ...В сказке... часто героем выступает мелкий собственник, надувающий эгоист»¹⁰.

Об опасности старой, в том числе народной, сказки в детском чтении ранее заговорила Э. Яновская в книге «Сказка как фактор классового воспитания» 1923 г.

В ней автор обращает внимание на то, что в подавляющем большинстве случаев их содержание противоречит коммунистической идеологии¹¹. На эту книгу в 1-м номере журнала «На путях к новой школе» 1924 г. была напечатана одобрительная рецензия Э. Станчинской, предлагавшей заменить сказки на простые, реальные рассказы о жизни и природе, а в перспективе – создать новую сказку, которая будет идти в ногу с эпохой и сыграет роль в том, чтобы воспитывать ребенка в согласии с идеалами Октября¹².

Однако редакция журнала сопроводила рецензию примечанием, и с него в 1924 г. была открыта дискуссия о сказке в детском чтении на страницах журнала. В нем отмечалось, что вряд ли можно заменить сказку упрощенными рассказами: «Народная сказка должна войти в детскую литературу, ее не заменить рассказами про волчат, лисят и пр. Народная сказка... носит социальный характер. ...Она учит ребят смотреть, видеть жизнь».

1920-е гг. в истории России являлись временем, когда миллионы детей были без крыши над головой, занимались криминалом, голодали. В статье из 4-го номера «На путях к новой школе» за 1924 г. было опубликовано исследование «Литературные вкусы беспризорных» Григорьевой¹³, в котором рассказывалось об эксперименте, проведенном с беспризорными детьми. В ночлежном доме читали вслух разные произведения, расспрашивая, что нравится детям, а что нет; маленькие герои рассказывали о своих вкусах и литературных пристрастиях. Большое место в них, как оказалось, занимала сказка. Особенно детям нравился ее фантастический элемент, воплощенный, например, в народной демонологии, эстетика ужасного, волшебные приключения героев. В ходе эксперимента детям прочитали сказки «Крокодил» Чуковского, «Папа Пряник» Вагнера, «Генерала Топтыгина» Некрасова из цикла «Стихотворения, посвященные русским детям».

Неоднозначная статья Григорьевой в общем смысле проводила связь между неблагополучием беспризорников и их литературными вкусами, что в свою очередь могло подрывать авторитет сказки как жанра в детской литературе. Сразу после статьи был опубликован комментарий Крупской. Она считала, что вместо сказок лучше рассказать о жизни в Америке, подвести детей к мысли о том, как они могли бы изменить свое положение. И так резюмировала свою позицию: не стоит детям читать сказки вроде «Крокодила» Чуковского или «Папы Пряника» Вагнера.

Шаги к новой детской литературе делались на протяжении всех 1920-х гг., и одной из основных целей было пустить ее в русло идеологии. Так, в № 7–8 журнала «На путях к новой школе» за 1924 г. была опубликована обзорная статья писательницы А.Г. Крав-

ченко¹⁴, посвященная недавно вышедшим в СССР детским книгам.

Автор отмечает, что новой литературы, которая могла бы соответствовать установкам коммунистической педагогики, еще слишком мало. Тем не менее Кравченко приводит некоторые из новых изданий. Книжки для детей 3–7 лет, приведенные Кравченко в статье, практически лишены идеологического компонента, они отличаются простотой сюжетов и стиля. Например, автор приводит волшебную сказку Н. Огнева «Яшка из кармашка» 1924 г., ориентированную на народную поэтику, однако в ней все же прослеживается важная идея труда. В список включен В. Бианки со сказками о животных – «Чьи это ноги?», «Чей нос лучше?», «Первая охота». Сказки и рассказы о животных приветствовались: они отвечали идеям советской педагогики, потому что имели познавательное, прикладное содержание и были нейтральны.

Во второй группе детских произведений уже появляются другие издания, и они «приближают детей к пониманию окружающего». В книгах из этого блока детям даются первые представления о таких понятиях, как «коммуна», «коллектив». Произведения более старшей группы, для детей 10–12 лет, уже знакомят ребенка с идеологией, революционной и военной проблематикой 1917–1920 гг.

В 1920-е гг. вводилась производственная тематика в литературу для детей, и авторы могли воплощать эту тему в жанре сказки. Одним из детских писателей, создававших такие произведения, был П. Орловец. Его перу принадлежат «Сказка о Леве – грызунов победителе (Доброхим)», «Сказка про дедушку Уголька и доброго молодца Бумажного Ключка», выпущенные в 1925 г. Его производственные сказки нередко критиковались за поверхностность, например в статье А. Киреевко «Опыт обзора детской производственной литературы за 1924/25 гг.»¹⁵, опубликованной в № 5–6 журнала «На путях к новой школе», и, видимо, не случайно. Производственную тематику он воплощал явно нереалистично, в его сказках проглядывала литература прошлого: так, «Сказка о Леве» написана тем же размером, что и «Сказка о царе Салтане».

О проникающей в детскую литературу производственной тематике знал и Платонов. Н.В. Корниенко в монографии «Сказано русским языком... Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе» впервые уделила внимание дискуссии 1920-х гг. о сказке [Корниенко 2003б: 71–77]. Исследователь отмечает, что образ новой детской литературы писатель отразил в повести «Эфирный тракт», над которой работал в Тамбове (ноябрь 1926 г. – 2 января 1927 г.). Так, сын Михаила Кирпичникова учит наизусть стихотворение: «Нам людей давить не жалко: // Не знакома пионерам грусть»¹⁶. «В этих строках

«передан пафос “красных дьяволят” – главных героев советской детской литературы 1920-х гг.» [Корниенко 2003б: 75].

Четверостишие было взято из неоконченного стихотворения «Про электричество» 1926–1927 гг.¹⁷ В нем нет сказочной фантастики, и оно повествует о появлении маленького героя на электростанции – одна из освещаемых тем в детской литературе десятилетия. Стихотворение, оставшееся в черновиках, показывает, что Платонов понимал, в каком русле идет развитие детской литературы и, возможно, уже в то время имел намерение обратиться к читателю-ребенку в своем творчестве.

В статьях журнала «На путях к новой школе» нападки на сказку, особенно на сказку прошлого, становились общим местом, своеобразным топосом. Фантастика сказки, в основе которой лежит «вымысел, недостойный доверия» [Пропп: 32], вызывала осторожность у власти. Интересно отметить, что в 1928 г. вышла в свет монография В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки», когда дискуссия активно продолжалась.

Сказку стремились заменить на произведения, отражающие историю страны последних лет, могущие реалистично воссоздать ее. Е. Руднева писала, что дети хотят читать о современной жизни во всех ее формах. «...Хочется, чтобы это было... захватывающе-интересно и чтоб это было подлинно, верно»¹⁸.

Дискуссия о сказке отвечала положениям постановления ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г.: «В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства...» Детская литература, так же как и взрослая, подвергалась серьезному пересмотру, и задавались пути к ее новому облику: «Если... есть безошибочные критерии общественно-политического содержания любого литературного произведения, то... еще нет таких... ответов на... вопросы... формы».

Своеобразный итог дискуссии о сказке в журнале «На путях к новой школе» был подведен в статье «К вопросу об оценке детской книжки» 1927 г. Сказкам в ней отведено особое место, как старым, так и тем, которые только появятся. В волшебных сказках продолжали видеть вред: они прививают веру в фантастическое, мешают действительность с вымыслом. Смягчало тон высказывания то, что призывали учиться у народной сказки ее приемам. Допускались сказки о животных. Движение было в сторону книги, реалистичной по наполнению, ориентированной на жизненный опыт, на действительность. О классовой проблематике говорилось, что «...мы однако отбрасываем целиком произведения... проповедующие монархизм, национальную вражду... <...> Неприемлема книга, пропитанная... господской моралью»¹⁹.

Одним из воплощений замыслов по созданию новой реалистической литературы для детей был основанный в 1927 г. журнал «Дружные ребята». Изредка в нем публиковалась Крупская с небольшими заметками о собственном детстве, воспоминаниями о В.И. Ленине, их жизни в Шушенском, подпольной деятельности. В 1930–1940-х гг., когда Платонов обратится к детской литературе, он переработает свои рассказы «Бессмертие» и «Среди животных и растений» для этого журнала, который в 1933–1937 гг. носил название «Колхозные ребята». Платонов опубликует в журнале рассказы «Алтеркэ», «Железная старуха».

В «Дружных ребятах» не печатали фантастику, в основном это были рассказы из жизни детей. Они оказывались яркими борцами против кулаков, тянулись к труду. Произведения посвящались храбрым поступкам, как в рассказе «Метель» Б. Житкова в 14-м номере 1927 г. Некоторые из них могли быть посвящены перевоспитанным детям – бывшим беспризорникам, как в рассказе «Я, Шкалик и Филька» в 1-м номере за 1929 г. Особое место занимали рассказы о детстве до революции. В «Дружных ребятах» много печаталось публицистических работ: редакция включала статьи о революционерах, рабочих, забастовках. Было много статей с описанием разных стран, таких как Китай или Америка, выделялись страницы с практическими рубриками. В «Дружных ребятах» охотно печатали сказки о животных В. Бианки. В первый год существования журнала (1927) дети могли прочитать историю о мышонке Пике.

Время 1920-х гг. можно назвать первым этапом, когда происходило становление теории новой детской литературы, и для ее создания ограничивали для чтения старые произведения, сказку прошлого. Однако стоит отметить, что осторожное отношение к ней обнаруживалось и прежде, в статьях К.Д. Ушинского. Несмотря на высокую оценку народной сказки в целом, он писал, что «весьма мало русских сказок, которые годятся для детского чтения»²⁰.

В романе Платонова «Чевенгур», в той его части, которая была написана в 1927 г. [Корниенко 2019: 640–670], существует интересный эпизод. Персонаж Степан Копенкин говорит: «В малолетстве меня к вере тоже не поп приучил, а бабушка сказкой о Николае-чудотворце»²¹. Хотя в этой реплике подразумевается житие святителя, в контексте дискуссии о сказке, осторожного отношения к ней высказывание приобретает особый оттенок. Для отражения характера Платонов показывает, как пламенного Копенкина формировали религиозные чувства. Однако писатель воссоздает в своем романе начало той эпохи, когда крещеные люди становились против своей веры. В одном из моментов романа Копенкин в то же время входит в церковь на коне и просит убрать знамя с цитатой из Еван-

гелия. Близость таких понятий, как «сказка» и «вера», не случайна у Платонова – похожая связь наблюдалась и у самих полемистов, видящих в сказке угрозу религиозного плана. Например, в газете «Читатель и писатель» была опубликована статья-ответ членов ГУСа писателю М. Андрееву: «...сказка не должна быть реализмом... Это вредно. Это вспахивает почву для религиозного мышления»²². Сам Платонов в этом романном месте мог иронизировать над логикой педагогической мысли по вопросу сказки, над логикой антирелигиозной пропаганды, а кроме того, установкой на то, чтобы растить «реалиста».

Пути разрыва со старым укладом, выраженные, в частности, в борьбе со сказкой, не могли не привлечь внимание широкой общественности. Дискуссия имела место на страницах газеты «Читатель и писатель» за 1928 г. Началась она с заметки Н.Н. Ляшко, автора, входившего в группу «Кузница». Ляшко в октябре 1922 г. читал свой рассказ на вечере «Кузницы» и Платонов лично познакомился с этим автором.

Ляшко сокрушенно отмечал, что сказку забыли, она ушла из поля зрения современных прозаиков²³. Он, зная основные положения дискуссии о сказке, выступал с ее защитой. В заметке Ляшко говорил о своем опыте в создании сказок и обещал вернуться к этому жанру.

В газете «Читатель и писатель» дискуссия отличалась большим диалогизмом и разнообразием мнений, в отличие от журнала «На путях к новой школе», в котором едва ли не каждый автор сходил в том, что сказка отрицательно влияет на ребенка. В «Читателе и писателе» полемика в большей степени приобрела форму *pro et contra* и была более широкой: обсуждалась не только сказка в детском чтении, но и сказка как жанр, ее место в современной литературе, значение сказки для читателей-крестьян, рабочих.

Сказка, как народная, так и авторская, подвергнувшись нападкам, нашла многих защитников на страницах газеты. Против доводов о том, что она оказывает вредное влияние на ребенка фантастическим элементом, говорилось, что дитя способно критически относиться к вымыслу, в том числе и сказочному²⁴.

Известный ученый-фольклорист Ю.М. Соколов, опубликовавший в газете статью «Жизнь или смерть сказке?»²⁵, назвал поход на нее недоразумением. Он считал, что сказка перспективна как жанр и неверно думать, что она выполнила свою историческую миссию – некоторые из противников ее писали, что на определенном социальном этапе развития сказка нужна, но сейчас ей не может быть места. Соколов подчеркивал, что сказка понятна и близка массам, причем противоречие он усматривал в том, что в рабоче-крестьянском государстве роль сказки заметно и намеренно умалчивается.

Художники слова и читатели искренне переживали за будущее сказки, как народной, так и литературной. Многие подчеркивали ее огромное воспитательное значение как жанра. Парадоксально, но именно в постановлении «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г. говорилось: «Партия... должна всячески бороться против легкомысленного... отношения к старому культурному наследию».

Сказка была одним из тех наследий, которая воссоединяла человека с его прошлым, детством. Люди не могли представить, что в новой действительности она может не существовать для ребенка. Вероятно, такое мнение разделял и Платонов.

Н.В. Корниенко отмечает, что русская сказка представляет собой константный элемент художественного мира «Чевенгура» [Корниенко 2003а: 965–966]. Символическую, духовную связь сказочного жанра с детством можно увидеть в эпизоде из романа «Чевенгур», когда Александр Дванов в доме Захара Павловича вспоминает сказку о Пузыре, Соломинке и Лапте:

«Ночь шумела потоками... дождя; одно его (Александра. – А. К.) утешало в этой... сырости погоды – воспоминания о сказке про пузырь, соломинку и лапоть, которые... втроем благополучно одолели такую же... непроходимую природу.

– Он ведь пузырь, она... соломинка, и товарищ их – брошенный лапоть, а они дружно прошли по пашням и лужам, со счастьем детства, с чувством личного подвоя безвестному лаптю... У меня тоже есть товарищи – пузыри и соломинки, только я их зачем-то бросил, я хуже лаптя...»²⁶

Сказка о Пузыре, Соломинке и Лапте – одна из самых известных сказок русского народа. Воспоминания о ней в романе отсылают ко времени детства героя. Сюжет о ранних годах Александра Дванова имеет большое значение для произведения: герой на протяжении всего повествования тоскует по своему умершему отцу и желает вернуться к нему.

В этом эпизоде Дванов думает о сказке перед сном, когда обычно их рассказывают детям: момент одновременно отсылает к традиционному обычаю укладывания ребенка. Интересны и мысли Дванова о героях сказки. Сказано, что они преодолевают природу, хотя по известному сюжету все погибает – пузырь лопается, соломинка ломается под тяжестью лаптя, а сам лапоть падает в воду. Можно дать несколько трактовок этому эпизоду. Так, сказка могла быть известна Саше в другом варианте, причем на деле его может не существовать, – более счастливым, чем общеизвестный сюжет: возможно, Платонов стремился подчеркнуть свойство фольклорных текстов жить разными жизнями. Объяснить эпизод можно и тем, что Дванов видит в сказочной компании их деятель-

ную сторону души, их коллективность, и ему это важнее, чем финал сюжета. В зачине сказки говорится: «Жили-были пузырь, соломина и лапоть; *пошли они в лес дрова рубить*» (курсив наш. – А. К.). То, что герои отправились вместе в путь, подобно Дванову и его товарищам – Копенкину, Соне Мандровой – подчеркивает их активный характер. Не случайно роман имеет подзаголовок «Путешествие с открытым сердцем».

Эпизод имеет большой смысл, потому что отчасти излагает судьбу персонажей. Александр считает себя «хуже лаптя». Как известно, отец Дванова утопился в озере Мутево, чтобы узнать тайну смерти. В финале романа Дванов уходит вслед за отцом – и топится в водах Мутева; Лапоть из сказки падает в воду и своеобразным образом погибает.

Сказка становится не только сжатой формулой пути Дванова. Герой рассматривает ее как символ народной мудрости – не случайно он сравнивает себя с ее героями, перенося ее сюжет на свою жизнь. Не случайно и упоминание о «счастье детства» – том счастье быть рядом с отцом, которое преследует Дванова на протяжении всего романа. Кроме того, сказка близка для героя – сына рыбака, человека, вышедшего из крестьянской среды. Эпизод явно говорит о герое больше, чем высказано в тексте: воспоминания о детстве – источник духовных сил, и детство характеризуется как время, в которое герои узнавали сокровенное. Сама сказка становится дополнением к образу героя, говорит о той культуре, которую он наследовал.

В заключение можно сделать следующие выводы. Платонов активно интересовался процессами, происходящими в литературе 1920-х гг., не обходил он вниманием и литературу для детей. Писатель знал о дискуссии о сказке в детском чтении, что подтверждают факты биографии и главное – художественные произведения, в частности стихотворение «Про электричество» и отрывок из «Эфирного тракта», играющий большую роль в контексте целого произведения, показывая пути воспитания нового человека – ребенка, будущего строителя коммунизма. Позиция Платонова по дискуссии о сказке может быть определена через его творчество. По всей вероятности, писатель тяжело переживал разрыв со старой культурой, с ее основами и не мог принять этих перемен. Для писателя сказка оставалась одним из необходимых компонентов детства, одним из его символов.

Примечания

¹ Архив А.П. Платонова: науч. издание. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1. С. 13.

² Платонов А. П. Сочинения. Рассказы и стихотворения 1918–1927 гг. / А.П. Платонов; глав. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 1. С. 159.

³ Платонов А. П. Сочинения. Статьи 1918–1927 / гл. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 2. С. 47–50, 124–128.

⁴ Платонов А.П. Сочинения. Т. 1, кн. 1. С. 578.

⁵ Крупская Н. Советская школа: К I всесоюзному учительскому съезду // На путях к новой школе. 1925. № 1. С. 9–13.

⁶ Платонов А. П. «...Я прожил жизнь»: Письма 1920–1950-х гг. / под общ. ред. Н.В. Корниенко, Е.Д. Шубиной. М.: Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 173.

⁷ Каманин Ф. Литературные встречи // Новый мир. 1981. № 6. С. 108–115.

⁸ Каманин Ф. Писаки // Дружные ребята. 1927. № 1. С. 4–15.

⁹ Крупская Н. Задачи антирелигиозной пропаганды // Коммунистическое просвещение. 1922. № 2. С. 28–30.

¹⁰ Крупская Н. Об учебнике и детской книге для I ступени // На путях к новой школе. 1926. № 7–8. С. 3–13.

¹¹ Яновская Э. Сказка как фактор классового воспитания. Харьков, 1923. С. 19–23.

¹² Станчинская Э. Яновская. Сказка, как фактор классового воспитания // На путях к новой школе. 1924. № 1. С. 151–153.

¹³ Григорьева. Литературные вкусы беспризорных // На путях к новой школе. 1924. № 4–5. С. 150–158.

¹⁴ Кравченко А. Наши дети и книги для них // На путях к новой школе. 1924. № 7–8. С. 95–101.

¹⁵ Киреенко А. Опыт обзора детской производственной литературы за 1924/1925 гг. // На путях к новой школе. 1925. № 5–6. С. 125–139.

¹⁶ Платонов А.П. Сочинения. Повести, рассказы, сценарии, статьи 1926–1927 гг. / глав. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2. С. 61.

¹⁷ Платонов А.П. Сочинения. Т. 1, кн. 1. С. 430–436.

¹⁸ Руднева Е. Художественное слово в школе I ступени // На путях к новой школе. 1925. № 3. С. 115–132.

¹⁹ Об оценке детской книжки // На путях к новой школе. 1927. № 1. С. 30–33.

²⁰ Ушинский К.Д. О «Детском мире» // К.Д. Ушинский. Собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии пед. наук, 1949. Т. 5. С. 415.

²¹ Архив А.П. Платонова: науч. издание. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Кн. 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. С. 247.

²² Читатель и писатель 1928 – ГУС и обиженный писатель. Вместо ответа М. Андрееву // Читатель и писатель. 1928. № 36. С. 3.

²³ Ляшко Н. О сказках // Читатель и писатель. 1928. № 6. С. 4.

²⁴ Опанасенко П. За обсуждение вопроса // Читатель и писатель. 1928. № 18. С. 3.

²⁵ Соколов Ю.М. Жизнь или смерть сказке? // Читатель и писатель. 1928. № 18. С. 3–4.

²⁶ Архив А.П. Платонова. Кн. 2. С. 347.

Список литературы

Антонова Е.В. Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 784 с.

Арзамасцева И.Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов. М.: Прометей, 2003. 404 с.

Корниенко Н.В. Письмо А. Платонова М. Шолохову и некоторые контексты работы писателя над книгой сказок «Волшебное кольцо» // Страна философов А. Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2003а. 984 с.

Корниенко Н.В. «Путь в Чевенгур»: от истории текста – к творческой истории романа // Архив А.П. Платонова: научное издание. Кн. 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 672 с.

Корниенко Н.В. Сказано русским языком... Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003б. 533 с.

Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 32–36.

References

Antonova E.V. *Voronezhskiiu period zhizni i tvorchestva A.P. Platonova: biografiya, tekstologiya, poetika* [Voronezh period of the life and work of A.P. Platonov: biography, textual criticism, poetics]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature, 2016, 784 p. (In Russ.)

Arzamasceva I.N. *“Vek rebenka” v russkoj literature 1900–1930 godov* [Arzamastseva I.N. “The Age of

the Child” in Russian Literature 1900-1930]. Moscow, Prometej Publ., 2003, 404 p. (In Russ.)

Kornienko N.V. *Pis'mo A. Platonova M. Sholohovu i nekotorye konteksty raboty pisatelya nad knigoi skazok “Volshebnoe kol'co”* [Letter from A. Platonov to M. Sholokhov and some contexts of the writer's work on the book of fairy tales «The Magic Ring»]. *Strana filosofov A. Platonova: problemy tvorchestva* [Country of A. Platonov's philosophers: problems of creativity]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature, 2003a, 984 p.

Kornienko N.V. *«Put' v Chevengur»: ot istorii teksta – k tvorcheskoi istorii romana* [«The Way to Chevengur»: from the history of the text to the creative history of the novel]. *Arhiv A.P. Platonova: nauchnoe izdanie. Kn. 2. Opisaniye rukopisi romana «Chevengur». Dinamicheskaya transkripciya* [Archive of A.P. Platonov. Vol. 2. Description of the manuscript of the novel “Chevengur”. Dynamic transcription. Scientific publication]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature, 2019, 672 p. (In Russ.)

Kornienko N.V. *Skazano russkim yazykom... Andrey Platonov i Mihail Sholohov: vstrechi v russkoj literature* [It is said in Russian ... Andrey Platonov and Mikhail Sholokhov: meetings in Russian literature]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature, 2003b, 533 p. (In Russ.)

Propp V.Y. *Russkaya skazka* [Russian fairy tale]. Leningrad, LSU Publ. House, 1984, 335 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.03.2021; одобрена после рецензирования 15.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 06.03.2021; approved after reviewing 15.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.